

Правила добра Леонид Андреев

I

Кто не любит добра?

Случилось так, что некий здоровенный пожилой черт, по тамошнему прозвищу Носач, вдруг возлюбил добро. В молодости своей, как и все черти, он увлекался пакостничеством, но с годами вступил в разум и почувствовал святое недовольство. Хотя по природе он был чертом крепкого здоровья, но излишества несколько пошатнули его, и пакостничать уже больше не хотелось; склонность же к порядку - добродетель, весьма распространенная среди чертей, - твердый, положительный, хотя несколько и туповатый ум, некая беспредметная тоска, особенно овладевавшая им по праздникам, и, наконец, неимение опоры в семье и детях, так как Носач остался холостяком, - постепенно поколебали его убеждение, будто ад и адские порядки есть окончательное воплощение разума в бессмертную жизнь. Он с жадностью искал работы, чтобы отвлечься от своих тяжелых сомнений, и перепробовал ряд профессий, прежде чем надолго и окончательно не устроился при одной маленькой католической церкви во Флоренции в качестве соблазнителя. Тут он, выражаясь его словами, отдохнул душою; и тут же, по времени, было положено начало его новой подвижнической жизни.

Церковь была маленькая, и работы Носачу представлялось немного. От мелких пакостей, на которые так склонны юные черти, как-то: задувание восковых свечей, подставление ножки псаломщику и нашептывание молящимся старухам беспричинных гадостей, он уклонялся, чувствуя скуку, серьезное же дело не наворачивалось. Молящиеся все были люди скромные, тихие и дьявольским наветам поддавались туго: ни золотом, которого они не видали, ни огневой любовью, которой они не знали никогда, ни гордыми мечтаниями высокого честолюбия, совершенно чуждого их неприятельной жизни, не удавалось Носачу поколебать мир и тишину их неглубоких душ. Пустяковые же грехи они охотно творили сами, и не было у черта ни надобности, ни охоты даром тратить воображение на приискивание новых, тем более что круг маленьких грехов весьма ограничен. Пытался он первоначально свергнуть в бездну соблазна самого попа, но и тут потерпел естественную неудачу: поп был старенький, беззубый, наполовину впавший в детство - и, как дитя, невинный. Если черту и удавалось во время богослужения вышибить у попа из памяти необходимые слова и заменить их неподходящими и даже соблазнительными; если удавалось обкормить попика кашей или заставить проспать утреннюю мессу, - то и в этом был только внешний, формальный грех, а грех настоящий отсутствовал: разницу между тем и другим прекрасно чувствовал прирожденный черт. И мало-помалу в свои прямые обязанности соблазнителя он начал вносить равнодушие и холод формализма: наскоро расскажет старухе неприличный анекдот, плюнет раза два-три в угол, заставит попика каждый раз в одном и том же месте перепутать слова, и поскорее усядется на свое излюбленное место в тени колонны - по украденному молитвеннику внимательно следит за службой.

Такое времяпровождение, хотя и приятное, было, однако, враждебно деятельной натуре пожилого черта: и, незаметно для себя, он втянулся в обиход церковный, разделил интересы домоправительства, стал чем-то вроде второго сверхштатного сторожа. По утрам подметал церковь и чистил медные ручки, во время службы поправлял лампы и вместе с верующими гнусаво подтягивал клиру: "Ora pro nobis".

И, входя в церковь снаружи, он уже привычным жестом окунал лапу в кропильницу со святой водой и кропил себя, а когда все шло под благословение, то шел и он, слегка толкаясь, по своей грубоватой дьявольской привычке. В редкие свои посещения ада, куда он являлся, как и все черти, с фальшивыми докладами, Носач все больше и больше преисполнялся отвращением к его шуму, гвалту, грязи и дикой неразберихе. Визгливые ведьмы, которым в свое время он отдал полную дань восторга, ныне преисполняли его чувством омерзения; и не одной из них со своею былою ловкостью он прищемил хвост в дверях, радуясь страху и мучениям несчастной.

И так как все непрерывно лгали, и каждое слово каждого было ложью, и сатана лгал впереди всех и за всех, то начинала, с непривычки, болеть голова, и скорее хотелось на воздух.

После одной из таких побывок Носач с особым удовольствием вернулся в тихую церковь и двое суток, как убитый, спал за колонной; проснувшись же, принял видимость и решительно направился к попику в исповедальню: был именно тот час, когда верующие исповедывались.

Попик очень удивился, что незнакомый пожилой господин с тщательно выбритым, сухим лицом, имевшим постное и даже мрачное выражение благодаря огромному отвислому носу и резким складкам вокруг тонких губ, есть самый настоящий черт. Но когда Носач клятвенно подтвердил свое заявление, стал с детским любопытством расспрашивать его об адских делах. Но черт только отмахивался рукой и угрюмо ворчал:

- Ах, и не говорите, святой отец, это - не жизнь, а чистый ад.
- А где же твои рога? - спрашивал поп. - И где же твои копыта? И ты зачем ко мне пришел: соблазнить меня хочешь или покаяться? Если соблазнить, то напрасно, - меня, сударь, соблазнить нельзя.

Попик засмеялся и похлопал его по плечу.

- А кашу помните? - угрюмо спросил черт.
- Какую кашу? - удивился попик.
- А на той неделе, в субботу, помните? Вы еще много съели, помните?

Попик заволновался:

- Так это ты мне? А-й-ай-ай-ай-ай! Поди прочь! Поди прочь отсюда, не хочу тебя и видеть! Надевай свои рога и уходи, а то сторожа позову.

- Я покаяться пришел, а вы меня гоните! - уныло сказал черт. - Аще, сказано, одну заблудшую овцу...

- Так ты и Евангелие знаешь! - удивился старичок.

Черт строго и гордо ответил:

- Прокзаменуйте.
- Так, так, так! Ты, значит, серьезно, - а?
- Прокзаменуйте.
- Ну, и удивил же ты меня... не знаю, как тебя назвать, ах, удивил. Пойдем же ко мне, я тебя прокзаменую: тут тебе пока не место. Скажите, пожалуйста, черт, а Евангелие знает!.. Пойдем! Пойдем!

И целый вечер у себя на дому попик экзаменовал Носача и восторженно удивлялся:

- Да ты богослов! Ей-богу, богослов. Ты занимался, что ли, этими вопросами?
- Занимался-таки, - скромно подтвердил черт.

Вообще хотя он держался и скромно, но с большим достоинством, не лебезил, не забегал вперед, и сразу видно было, что это - черт строгий и положительный. Своими огромными познаниями он нисколько не кичился и все больше и больше нравился добродушному старому попику.

- Так чего же ты хочешь? - спросил поп.

Черт с размаху бухнул на колени и завопи:

- Святой отец, разрешите и научите меня творить добрые дела! Стосковался я о добре, святой отец. Жить не могу без добра, а как его творить, еще не ведаю. От сатаны же и от дел его отрекаюсь вовеки: тьфу, тьфу, тьфу!

Когда волнение поулеглось, попик благодушно похлопал черта по плечу, для чего ему пришлось приподняться на цыпочки: Носач чуть не вдвое был выше ростом. От прикосновения черт устранился, - он не любил фамильярного обращения, - и с угрюмостью, составлявшей главную черту его характера, настойчиво спросил:

- Так как же, святой отец, научите?

- Добру-то? Можно. Это можно? Но только знаешь ли ты творения святых отцов? В библии ты силен, но этого, дружок, пожалуй, маловато. Да, маловато! Иди-ка погуляй, а я тебе вечером составлю списочек: что читать.

Черт уже выходил, когда попик, с любопытством глядевший на его широкую спину, остановил его вопросом:

- Послушай, милейший: ты всегда это носишь?..

- Одежду?

- Нет, все это, - попик неопределенно очертил рукою фигуру дьявола, - вот у тебя нос такой грушей... у тебя всегда так? И лицо у тебя очень постное, как будто ты мало кушаешь, и одежда у тебя черная... Мне это нравится, но всегда у тебя так, или же ты имеешь и другой вид? Если имеешь, то покажи, пожалуйста: я хоть и стар, а чертей еще никогда не видал.

Дьявол мрачно солгал:

- Другого вида не имею.

- Нет? Ну, что ж поделаешь: нет, так и нет. Иди же погуляй, а я поработаю. Хоть я давеча и сказал тебе комплименты, что ты богослов, но ты еще мало... - попик значительно поднял палец, - очень еще мало знаешь. Да!

- А про добро узнаю? Мне главное про добро узнать.

Попик успокоительно сказал:

- Про все узнаешь. Столько книг прочесть, да не узнать: какой ты, брат, мнительный!

Два года сидел черт над книгами и мучительно доискивался: что есть добро и как его делать так, чтобы не вышло зла. С древнееврейским языком черт и раньше был хорошо знаком, а теперь изучил еще и греческий: все читал в подлиннике, сверял, отыскивал ошибки, доселе ускользавшие от общего внимания, не без остроумия и даже убедительности создавал новые богословские схемы, **впадая в несомненную ересь**.

Совсем измучился и даже похудел, но ответа на свой вопрос так-таки найти не мог и впал под конец в отчаяние. Два года терпел, ничего, а тут так вдруг загорелось и так страшно стало, что пошел к попу среди ночи и разбудил его: помогите!

- Ну, говори, несчастный, что такое у тебя случилось?

- Да то и случилось, что прочел я все ваши книги, а как допрежде не знал добра, так и теперь не знаю. Жить мне тошно, святой отец, и тьма ночная пугает!

- Да все ли ты прочел? Ой, не пропустил ли чего? Тороплив ты, сударь.

- Сейчас последнюю кончил. **Умен я, святой отец, вот в чем мое горе**: ум у меня дьявольский, тонкий, **не терпящий противоречия**: и раньше я других на противоречиях ловил, а теперь вот и сам попался!

Попик укоризненно покачал головою.

- Мудствуешь?

- **То-то и беда, что мудствую**. Вон у добрых людей, рассказывают, голос такой есть внутренний, указующий пути добра, а какой может быть у дьявола голос? **Только от ума и действует дьявол**. А как начал я с умом читать эти ваши книги, так только одни противоречия и вижу: и то можно и другое можно, и того нельзя и другого нельзя. Вот

хочу я для начала земной моей жизни вступить с хорошей женщиной в брак и совместно с нею творить добро, а как начитался ваших книг, так и не знаю теперь: добро есть брак или зло.

- Многий вместити...

- Вместить-то я много могу, да **не знаю, что вмещать**. Вот вы, святой отец, безбрачны, и в этом даже ваша святость, а патриархи не хуже вас были, а жен имели даже по несколько. И не будь бы в браке святые отцы Иоаким и Анна, то не было бы у них дочери...

Попик даже испугался и замахал рукой отчаянно:

- **Молчи, молчи, грешник!** С тобой и говорить опасно, - того и гляди, **сам в ересь впадешь!** Уж лучше женись, если не можется.

- Да разве это ответ?

- А что же тебе надобно, горделивый?

- А мне такого ответа надо, чтобы годился он на все времени и для всяких случаев жизни, и **чтобы не было никаких противоречий**, и чтобы всегда я знал, как поступить, и чтобы не было никаких ошибок, - вот чего мне надо. Жениться я погожу, а вы пока подумайте. Даю вам семь дней сроку, а вы позовете меня через семь дней, вернусь я в ад, - поминай как звали!

Даже рассвирепел черт: вот до чего захотелось ему добра! Понял это добрейший попик и, не рассердившись нисколько, старательно думал шесть дней, а на седьмой позвал к себе дьявола и сказал:

- Черт ты внимательный, а главное-то в книгах и проморгал, да. Читал, что сказано: возлюби ближнего, как самого себя. Ясно ведь, а? - торжествовал попик, - возлюби - вот тебе и все.

Но измученный черт нимало не обрадовался и мрачно ответил:

- Нет, не ясно. Раз я про себя не знаю, что мне нужно, и желания мои неясны и даже противоречивы, то как же другому буду я благодеяния оказывать? Живым манером в ад его вгоню, опомниться он не успеет.

- Экий ты - не знаю, как тебя назвать, - раскоряк! Ну, не можешь ты, как самого себя, то просто возлюби. И когда возлюбишь, то все и увидишь, и все поймешь, и добро без усилий сотворишь: узенькая будет у тебя тропочка по виду, как канат натянутый, и никуда с нее не упадешь и ни в какую трясиину не взвалишься.

- Возлюби! - мрачно ухмыльнулся Носач, - возлюбить-то я и не могу. Какой же был бы я черт, если бы мог возлюбить?.. Не черт бы я был, а ангел, и не я тогда у вас, а вы бы у меня учились. Поймите же меня, святой отец, потрудитесь: не могу я по природе своей любить ангельской любовью, но и зла делать не желаю, а хочу творить добро - вот вы этому самому меня и научите.

Сказал попик сокрушенно:

- Природа твоя гнусная.

- На что гнуснее! - согласился черт угрюмо: - вот потому-то и бороться с нею хочу, а не камнем ни дно идти. Не для одних же ангелов небо, имею же и я право стремиться к небесам? - вот вы мне и помогите. Даю вам еще семь дней сроку, а не поможете, - махну на все рукою и провалюсь в тартарары!

Прошло еще семь дней, и, позвав мрачного черта, сказал ему попик следующее:

- По многом размышлении нашел я для тебя, несчастный, два весьма вразумительных правила: полагаю, что не промахнешься. Сказано: если кто попросит у тебя рубашку, то ты и последнюю отдай. И спи того лучше сказано: если кто тебя по одной щеке ударит, то ты и другую подставь. Делай так, как сказано вот тебе и будет урок на первый раз, и сотворишь ты добро. Видишь, как просто!

Черт подумал и радостно ослабил:

- Это другое дело. Не знаю, как и благодарить вас, святой отец: теперь я знаю, что такое добро.

Но оказывается, что и тут не узнал он добра. Прошло две недели, и уже стал успокаиваться обрадованный попик, как снова явился к нему черт; и был он мрачнее прежнего, на лице же имел кровоподтеки и ссадины, а на плечах, поверх голого и темного тела трепалась совсем новенькая рубашка.

- Не выходит, - мрачно заявил он.

- Что не выходит? - встревожился попик. - Лицо у тебя такое неприятное, - ах, боже ты мой, - и над глазом синяк... а нос-то, нос-то!.. Что же это ты, милейший, пошел добро творить, а вместо того - подрался. Или, может быть, ты с лестницы упал? - ничего я не понимаю.

- Нет, подрался.

- Да я же тебе говорил: еще кто ударит тебя по левой щеке, подставь правую.

Помнишь?

- Помню. Две недели ходил я, святой отец, по городу и все искал, чтобы меня по щеке ударили, и никто меня не ударил, и не мог я, святой отец, выполнить заветы добра.

- А драка-то? А это что же такое?

- Это совсем другое дело. Заспорил я с одним гражданином, и он меня ударил тростью по голове вот по этому месту, - черт указал на темя. - Тогда я его, - так мы и подрались: и скажу вам, не хвастаясь: я ему два ребра сломал.

Попик отчаянно замотал головой.

- Ах, господи, да ведь сказано же тебе: "Аще кто ударит тебя по левой щеке..."

Но черт кричал еще громче:

- Говорю же вам: не по щеке, а вот по этому месту! Сам знаю, что когда по щеке, то нужно другую, а он по этому месту. Вот шишка, - попробуйте.

Руки опустились у несчастного попа. Отдышавшись, сколько следовало, сказал он с горечью:

- Ну, дурень же ты. Ум у тебя глубокий, человек ты, или, как бы это сказать, высокообразованный, а в отношении добра любая курица больше тебя понимает. Как же ты не понял, что святые слова сии имеют распространительное толкование. Дурень ты, дурень!

- Вы же сами говорили - толкований никаких не надо.

- Да, - горько усмехнулся попик, - толкований никаких не надо, - ты так думаешь! Ну, что я буду с тобой делать, сам ты сообрази, ведь не могу же я с тобой по городу ходить. Сидел бы ты лучше дома. А что это за рубашка у тебя - подарил кто-нибудь?

- Сам я хотел ее подарить, да никто так ни разу и не попросил. Две недели ходил по городу среди самых бедных людей, и чего только у меня ни просили, а рубашки так никто и не догадался попросить, - уныло вздохнул черт. - Видно, сами они не понимают, что такое добро.

- Ах, несчастный, - снова заволновался поп, - вижу я, что наделал ты большого зла. Просили тебя, говоришь, о многом?

- Просили.

- И хлеба, например, просили?

- Просили.

- А ты ничего и не дал?

- Я все ждал, чтобы рубашку попросили. Не ругайте же меня, святой отец, и я сам вижу, что плохо мое дело. Да ведь хочу же я добра, подумайте, недаром же я от сатаны отрекся, недаром же я два года, как студент, сидел над книгами. Нет, видно, не будет мне спасения.

- Ну, ну, погоди, не отчаивайся, я тебя еще поучу. А скажи, за что тебя гражданин-то этот палкой ударил? Может быть, ты невинно пострадал, за это много прощается.

Черт развел руками.

- Уж и не знаю: тогда думал, что невинно, а теперь начинаю и в этом сомневаться. Так было дело. После долгих моих скитаний по городу, утомленный, но по-прежнему пылающий жаждою добра, присел я на берегу Арно отдохнуть, чтобы набрать сил для нового хождения. И вижу: утопает в реке неведомый человек, закружило его водоворотом, и носится он с необыкновенной быстротой. Раз он проплыл мимо меня, и другой, и третий...

- И четвертый?

- Да и четвертый. И пока я размышлял, отчего он не тонет, приписывая это чудесное явление силе невиданных подводных течений, собрался на его крик народ, и тут, - теперь мне стыдно об этом рассказывать, - произошла эта самая скверная драка. Должен вам пожаловаться, святой отец: меня не один этот гражданин, - меня и другие били.

Стоял черт, опустив длинные руки, бессильные творить добро, и отвислый нос его, пораненный ударом, выражал уныние и крайнюю тоску. Посмотрел на него попик искоса и недружелюбно, еще раз взглянул, радостно вздохнул почему-то и, подойдя близко, наклонил к себе тугую голову дьявола и поцеловал его в лоб. И тут еще заметил: на темени, у самого корня седых колос, запеклась кровь. Дьявол покорно принял поцелуй и шепотом сказал:

- Страшно мне, святой отец! Видел я в аду крайние ужасы, до последнего страха касалась моя душа, но не трепетала столь мучительно, как теперь. Есть ли что страшнее: стремиться к добру так неуклонно и жадно и не знать ни облика, ни имени его! Как же люди-то на вашей земле живут?

- Так и живут, миленький, как видишь. Одни в грешном сне почивают, а кои пробудились, те мучатся и ищут, как и ты, с природой своей борются, **мудрые правила сочиняют и по правилам живут.**

- И спасаются? - недоверчиво спросил черт.

- А это уж одному богу известно, и нам с тобой в этот конец даже и заглядывать не годится. Да ты не отчаивайся, миленький, я уж тебя не оставлю, я тебя и еще поучу, у меня много времени свободного. Черт ты старательный, и все у тебя пойдет по-хорошему, только в уныние не впадай, да ранку на голове промой холодной водой, как бы не разболелась.

Так кончили они разговор; и не знали они оба, ни огорченный унылый дьявол, ни сам попик с благодатной душой, когда он лобызанием любви касался противного дьявольского чела, а дьявол в свою очередь жалел жалостью любовной мечущихся людей, что как раз в эту минуту совершалось то самое добро, имени и порядка которого тщетно доискивались оба.

Так и разошлись, не зная: попик - к себе, приискивать новые правила добра для поучения, а дьявол - к себе, в темноту запыленных углов, чтобы там зализывать раны и тщетно допрашивать бога об его грозных и непонятных велениях.

II

Вот и снова начал благодатный поп обучать добру непокорную дьявольскую душу, - но тут-то и начались для обоих самые тяжкие мучения.

Пробовал попик давать подробные наставления на разные случаи жизни, и выходило хорошо, пока случаи совершались в том самом виде и в том порядке, в каком предначертал их его наивный ум. Не только со старательностью, а даже и со страстью, проявляя силу воли необыкновенную, черт выполнял предписанное. Но всего многообразия жизненных явлений не мог уловить в свои плохонькие сети человеческий ум, и ошибался черт ежеминутно. В одном месте сделает, а рядом пропустит, потому что вид другой и слова у просящего не те; а то бывает, что и черт не дослышит, либо не так поймет, - и опять ошибка, **человеку обидно, а добру поправки**. Уже и у попика начал мутиться разум: никак он до тех пор не предполагал, чтобы столько было у жизни лиц, темных загадок, вопросов неразрешенных.

"И откуда это все берется? - думал попик, пока черт в углу зализывал новую рану или тяжело вздыхал от гнетущего бессилия. - То ничего не было, а то вдруг так все и полезло, так все и полезло. Тут не только черт, а и священнослужитель не разберется. Но как же я раньше разбирался? - удивительно! Боюсь я этого, а ничего не поделаешь: надо попробовать распространительное толкование. **Дам ему этакие общие законы**, а он их пусть распространяет... Только бы не вышло чего, о господи!"

И на распространительное толкование черт покорно согласился: измучился он к этому времени до последней крайности и готов был на всякие жертвы, - да не принимались его жертвы. Били его столько, что за одно это он мог бы попасть в мученики, а выходило так, что и побои не только его не украшали, а налагали ярмо все нового и нового греха. Ибо за дело его били, и не могли этого не признать ни он сам, ни его великодушный покровитель. Уже и плакать черт научился, а раньше совсем как будто и слез не имел. Плакал он столько, что, казалось бы, за одни эти одинокие слезы и неутомимую тоску о добре мог бы попасть он в угодники, а выходило так, что и слезы не помогали, ибо не было в них творческой к добру силы, а только грешное уныние. Только и надежды теперь оставалось, что на распространительное толкование.

И совсем приободрился черт и даже с некоторою гордостью сказал попу: - Теперь вы за меня, святой отец, не бойтесь: теперь я и сам могу. Это раньше мне трудно было, а раз теперь вы допускаете толкование, я уже не собьюсь. Ум у меня положительный, твердый, пить я уж давно ничего не пью, и никаких ошибок теперь уже быть не может. Только вы не таитесь от меня, а прямо скажите самый важный и самый первый закон, по которому жить. Когда этот закон исполню, тогда вы и другие мне скажете.

Собрал всю свою науку, все свои соображения старый попик, взглянул и в душу к себе, - вздохнул радостно и не совсем решительно сказал:

- Есть один такой закон, но только боюсь я тебе его открыть: очень он, как бы это сказать, опасен. Но так как на все есть воля божия, то, так и быть, открою, ты же смотри не промахнись. Вот, смотри.

И, раскрыв книгу, трепетно указал черту на великие и таинственные слова:

не противься злу

Но тут и черта покинула его гордыня, как увидел он эти страшные слова:

- Ох, боюсь, - сказал он тихо. - Ох, промахнусь я, святой отец.

Было страшно и попу; и молча, объятые страхом, смотрели друг на друга черт и человек.

- Попробуй все-таки, - сказал наконец поп. - Тут, видишь ли, хоть то хорошо, что **тебе самому ничего делать не нужно, а все с тобой будут делать**. Ты же только молчи и покоряйся, говоря: прости им, господи, не ведают, что творят. Ты эти слова не позабудь, они тоже очень важны.

Вот и ушел черт в новые поиски добра; два месяца пропадал он, и два месяца, день за днем, час за часом, в волнении чрезвычайном поджидал его возвращения старый поп. Наконец вернулся.

И увидел поп, что черт совсем исхудал, - одна широкая кость осталась, а от мяса и след пропал. И увидел поп, что черт голоден, жаждет, до голого тела обобран придорожными грабителями и много раз ими же избит. И обрадовался поп. Но увидел он и другое: из-под закосматившихся бровей угрюмо и странно смотрят старые глаза, и в них читается все тот же непроходящий испуг, все та же неутолимая тоска. Насилу отдышался черт, харкнул два раза кровью, точно по каменной мостовой бочонок из-под красного вина прокатили, посмотрел на милого попа, на тихое место, его приютившее, и горько-прегорько заплакал. Заплакал и попик, еще не ведая, в чем дело, и наконец сказал:

- Ну, уж говори, чего наделал!

- Ничего я не наделал, - печально ответил черт. - И было все так, как и надо по закону, и не противился я злему.

- Так чего же ты плачешь и меня до слез доводишь?

- От тоски я плачу, святой отец. Горько мне было, когда я уходил, а теперь еще горше, и нет мне радости в моем подвиге. **Может быть, это и есть добро, но только отчего же оно так безрадостно?** Не может так быть, чтоб безрадостно было добро и тяжело было бы его творящему. Ах, как тяжело мне, святой отец. Присядьте, а я вам расскажу все по порядку, вы уже сами разберете, где тут добро, - я не знаю.

И долго рассказывал черт, как его гнали и били, морили жаждою и грабили по пустынным дорогам. А в конце пути случилось с ним следующее:

- Лежу я, святой отец, отлеживаюсь на камне, что при дороге. И вижу я: идут с одной стороны два грабителя, злых человека, а с другой стороны идет женщина и несет в руках нечто, как бы драгоценное. Говорят ей грабители: отдай! - а она не отдает. И тогда поднял грабитель меч...

- Ну! - вскричал попик, прижимая руки к груди.

- И ударил ее мечом грабитель, и рассек ей голову надвое, и упало на дорогу нечто драгоценное, и когда развернули его грабители, то оказалось оно младенцем, единым и последним сокровищем убитой. Засмеялись грабители и один из них, тот, что имел меч, взял младенца за ножку, поднял его над дорогою...

- Ну! - дрожал поп.

- Бросил и разбил его о камни, святой отец!

Поп закричал:

- Так что же ты! Так как же ты! Несчастный! Ты бы его палкой, палкой!

- Палку у меня раньше отняли.

- Ах, боже мой! Ведь ты черт, ведь у тебя же есть рога! - ты его бы рогами, рогами! Ты бы его огнем серным! Ведь ты же, слава богу, черт!

- Не противься злему, - тихо сказал черт.

Было долгое молчание.

Побледневший попик как стоял, так и пал на колени и покорно сказал: - Моя вина. Не ты, не грабители убили женщину и ребенка, - я, старый, убил женщину и ребенка. Отойди же в сторону, мой друг, пока я помолюсь за наш великий человеческий грех.

Долго молился поп; окончивши молитву, разбудил уснувшего черта и сказал ему:

- Не для нас с тобой эти слова. И вообще не нужно ни слов, ни толкований, ни даже правил. **Вижу я, что иногда хорошо любить, а иногда хорошо и ненавидеть;** иногда хорошо, чтобы тебя били, и иногда хорошо, чтобы ты и сам кого-нибудь побил. Вот оно, сударь, добро-то.

- Тогда я пропал, - решительно и мрачно заявил черт. - Для себя вы как хотите, а мне дайте правила.

- А ты и опять промахнешься и меня подведешь: нет, сударь, довольно! - Попик даже рассердился. - Нету правил. Нету и нету.

- А раз правил нет, так и добра никакого нет.

- Что? Добра нет? А что я с тобой, с чертом, разговариваю, что я тебя, черта, учу, это - не добро? Поди, сударь, неблагодарный ты это, как бы сказать, господин!

Но то ли озлобился черт, то ли вновь до отчаяния дошел, - уперся мрачно и ворчит:

- То-то много вы меня научили, есть чем похвалиться!

- Да разве черта научишь?

- А раз черта не научишь, так чего же ваше добро стоит? Ничего оно не стоит!

- Эй, прогоню!

- Прогоняйте, если не жалко. Я в ад пойду.

Помолчали. Черт спросил:

- Так как же, святой отец, идти мне в ад?

Даже прослезился попик: так жалобно спросил его черт, и поклонился низко, говоря:

- Прости меня, миленький, обидел я тебя. А относительно добра вот что я тебя спрошу: черт ты любознательный, и во многих ты бывал храмах и хранилищах искусств, и много ты видел творений великих мастеров, - нравятся ли они тебе за красоту?

Черт подумал и ответил:

- Какие нравятся, а какие нет.

- А слышал ли ты, чтобы для красоты были правила?

- Какие-то, говорят, есть.

- Какие-то! А можешь ли ты, раскоряка, узнав с них какие-то правила, сотворить красоту?

- Какой у меня талант? Нет, не могу.

- А добро без таланта творить хочешь? Тут, миленький, для добра-то таланта требуется еще больше, да. Тут такой талант нужен!

Черт даже засвистал:

- Вот оно что! Нет, святой отец, это вы уж через край хватили! Если я плохую картинку напишу, меня за это в ад не пошлют, а если я ближнему голову сверну, так ведь какой содом подымется! Да картинку-то меня никто писать и не понуждает, а добро, говорят, твори. Твори, - а правил не дают; твори, - а в чем дело, не объясняют, да за каждую промашку в потылицу!

- Талант нужен, миленький!

- А если его у меня нет, так в ад мне и идти?

Поп покачал головою и руками развел:

- Уж и не знаю, голубчик, сам голову с тобою потерял.

- Знать не хочу вашего таланта! Правила мне дайте! Я не картинки писать хочу, а добро творить, - вот вы меня и учите, хоть сами выдумайте, а учите!

Совсем разбушевался несчастный дьявол, под конец пригрозил даже пойти к другому попу. Старик даже обиделся и укоризненно сказал:

- Вот уж это нехорошо, дружок! Сколько я на тебя труда положил, вот, думал, приведу к богу новую овцу, полюбил тебя, как сына, а ты хочешь к другому. У меня тоже самолюбие есть, за что же ты меня обижаешь? Ты меня лучше не обижай. А я тебе вместо правил, с которыми и человеку-то опасно, дам урок на каждый день. Времени у меня свободного много, и сяду я за труд: с самого раннего утра очерчу тебе каждый день, сколько их есть в году, что и как делать. Но только от писаного не отступай ни на единую черточку, а то ты сейчас же промахнешься; если же будут сомнения у тебя или

что позабудешь, то в этих случаях бездействуй. Как бы тебе это сказать: закрой глаза, заткни уши и стой как истукан. Нынче же сажусь за работу, а ты иди наверх, приютись где-нибудь под крышей и бездействуй, пока не скажу. Если же скучно будет, то помогай звонарю, - он совсем у меня от старости ослабел и не в те веревки дергает. Звони себе во славу господню!

Вот и сел старый поп за свой великий труд, а черт начал бездействовать. Для этой цели разыскал он среди темных чердачных переходов, поблизости от колокольни, комнату не комнату, а так помещение: четыре стены глухие, вместо двери низкий сводчатый лаз, и только на одной стене, высоко над полом, светлело глубокое, запыленное, крытое паутиною оконце. Раз в два или в три дня приносил ему попик скудную пищу и присаживался для недолгой душевной беседы, а в остальное время, никого не видя, черт бездействовал и размышлял. Против этих размышлений напрасно предостерегал его попик, говоря, что у дьявола его размышления есть действие; и притом вредное, - черт хоть и соглашался, но ничего поделаться с собою не мог. Трудно было не думать об испытанном, а как начнет думать, так и покажутся со всех сторон мутящие разум **противоречия**: скользит прекрасное добро, как тень от облачка над морской водою, видится, чувствуется, а в пальцы зажать нельзя. Кому же верить, как не богу, а **сам бог нынче одно говорит, завтра другое, а то и сразу говорит и то и другое**; в каждой руке у него по правде, и на каждом пальце по правде, и текут все правды, не смешиваясь, но и не соединяясь, противореча, но где-то также в своем противоречии странно примиряясь. Но где? - не может найти этого места несчастный черт. И от этого овладевает им крайний человеческий ужас, и страшно не только двинуть рукою, да и вздохнуть-то страшно.

- Ну, как, - спрашивает попик, - соскучился? Ничего не поделаешь, потерпи, миленький, скоро авось и кончу, тогда вот как заживешь. Здоровье у меня только плохое, и смерть близко, - ну, уж как-нибудь доведу, не оставлю тебя, сирого.

Черт еле слышно шепчет:

- **Противоречия**.

- Опять! - ужасается попик. - И где ты их только находишь? Это **в разуме, брат, да в словах всякие противоречия**, так на то он и разум, и не может без того, чтобы все четыре колеса не в одну сторону вертелись; **а в совести, брат, все течет согласно**.

Черт криво усмехнулся:

- Хорошо вы говорите, святой отец: так, значит, не бывает, что три колеса в одну сторону вертятся, а четвертое в другую?

- Ну и дурень! Конечно, не бывает.

- А вы говорите, что бывает.

- Я говорю? Да что ты на меня, миленький, валишь? Сам запутался, а на меня валишь. У меня и то после каждого разговора с тобою голова болит, а мне голова нужна, я для тебя же, дурака, работу сочиняю. Какой ты, брат, неприятный, как бы это сказать, господин. Лучше скажи-ка: строго бездействуешь или допускаешь послабления?

Черт угрюмо вздохнул.

- Строго. Вчера вот только муху убил, очень она на лицо липла, и не знаю, можно это или нельзя?

- Муху-то? - засмеялся попик. - Муху можно! Пстой... Ну, вот и опять сбил ты меня, несчастный: то ли можно, то ли нет, - теперь уж и сам не знаю. Не взыщи, брат: сам меня запутал. **Пока ты меня не спрашивал об мухе, - знал я хорошо, что бить их можно, и неоднократно бил, а вот теперь...**

- Живая она, - мрачно сказал черт.

- Да, да, живая! - огорчился попик. - Так и я значит, живых мух бил? Вот грешник! Ай-ай-ай, вот грешник!

Но черту этого мало. Ему нужны вывод и твердое решение.

- Значит, нельзя мух бить? Вы прямо скажите.
- Мух-то? - недоумевает попик. - Ты про мух говоришь?

И до того, случалось, они договаряются, что **оба впадут в полное одурение** и долго, не мигая, смотрят друг на друга. Но только у черта одурение было надменное и как бы снисходительное, а у попаика тихое и скоропреходящее: еще до своей келейки после разговоров не успеет дойти, как все противоречия забыл, развеселился, а потом в благостном настроении уселся за тяжелую для дьявола работу. И мух опять бьет, и даже не без злорадства.

Но что за мухи для дьявола! Стоит он со своею непомерную дьявольскою силой, готовый сокрушить горы и не знает, как поступить с ничтожной мухой, надоедливо ползающей по мрачному, изборожденному лицу, еще хранящему темный отблеск адских неугасимых огней. Что за муки для дьявола! Тонкий ум, изоощренный в упражнениях, способный одним колебанием своим создать как бы новый, великий мир, в ужасном бессилии останавливается перед ничтожнейшим вопросом. А муха ползает, а муха надоедливо жужжит, забирается в волосатое ухо, глупо и нагло щекочет мрачно стиснутые губы, бесстыжая, нелепая, даже не подозревающая о тех страшных безднах, над которыми издевается бессмысленно! Многих и многого ненавидел дьявол; много и много он, страшился, но так и не узнала его душа образа более ненавистного и страшного, нежели образ ничтожной мухи, ползающей по лицу.

Но все хуже здоровье попаика, одолевает его белая старость. Попишет немного и полежит, и больше лежит, чем работает, а уже три года томится заключенный в бездействие дьявол и ждет обещанного добра. Поняв свою выгоду, уже не тревожит попаика противоречиями, а только жалобно торопит:

- Ах, поскорей бы, святой отец!
- Не бойся, миленький, не умру, - успокаивает его попик. - По моему расчету мне еще с полгодика осталось. Да, брат, с полгодика! А работа уже к концу подходит. Не пугайся, не волнуй себя. А я тебя сегодня как раз порадовать пришел: **нынче одного еретика жечь будут, так пойдем с тобою, посмотрим, повеселимся.**

"Сказано: не убий", - мрачно подумал черт, глядя на улыбающегося попаика, но вслух ничего не сказал и охотно собрался в путь, так как очень соскучился от долгого заключения.

Еретика долго жгли, и народ радовался. Приятно было и черту: **немного напоминало ад**; но вдруг вспомнилась муха, которой он не смел тронуть, и сразу затрещали в голове противоречия. Взглянул с тоскою на попаика: тот покачивается от слабости, от волнения бледен, дрожат старческие руки, на голубеньких глазах слезы, а весь лик радостен и светится неземным светом. Жгли в аду и черти, но не было же святости в их лице! Ничего не может понять обезумевший дьявол. А попик-то радуется, даже светится весь! И от волнения, как только домой пришли, в постель слег, ослабел очень от радости. Не выдержал черт и, насупившись, вступил в диспут:

- Хотел бы я знать, чему вы радуетесь, святой отец?
- А как же? Еретичка сожгли! - ответил попик тихо и умильно.
- Так ведь сказано же: не убий! А **вы человека убили и радуетесь.**
- Никто его не убивал, что ты, миленький!
- Да ведь сожгли же его или нет?
- Слава богу, сожгли, сожгли, миленький!

Даже глаза закрыл от умиления и лежит себе, такой беленький, чистенький, невинный, как младенец. "Неужто и здесь противоречие только в разуме да словах, а в совести его все течет согласно? - думал дьявол, беспомощно потирая рукой шишковатый лоб. - Ничего не понимаю! Видно, **не в том добро, что делать, а в том, как**

делать... Нет, ничего я не понимаю, пусть он пишет свои уроки, а я уж до времени притаюсь, пальцем не шевельну!"

И с того времени в одиночество свое уже не возвращался, а остался при ослабевшем старце в качестве прислужника: подавал ему пищу, убирал келейку, и с дьявольской силой и упоением чистил старое попиково платье, будучи уверен, что уже здесь-то наверное греха нет. Когда же, преодолевая слабость садился поп за продолжение своего труда, черт вытягивал свою длинную, жилистую шею и через плечо с жадным любопытством заглядывал: ох, не промахнуться бы попу! Ох, не подвести бы ему несчастного черта: ведь последняя надежда.

Но вот и кончена рукопись, а с нею как будто кончена и жизнь старенького попа. Уже не поднимается он с постели и последние строки начертал лежа: и неразборчивы они и кривы, но тем дороги, что последние. На коленях принял черт великий дар и громко с истинным наслаждением поцеловал сухую руку.

- Что, рад небось? - спросил попик. - Ну, радуйся, радуйся, давно пора. Только смотри, опять не промахнись!

- Теперь не промахнусь, - уверенно ответил черт. - Если только вы там в чем-нибудь не промахнулись, но это уж ваше дело; а я буду исполнять точно, как сказано.

- Черт ты старательный, это верно. И рукопись смотри, не потеряй, другой не будет. Где ты думаешь подвизаться? Если поблизости, то загляни как-нибудь, навести, мне без тебя будет скучно. Привык я к тебе, дружок. Прежде я все твоему носу удивлялся, а теперь, знаешь ли, мне даже и нос твой нравится. Это ничего, что он отвислый: у многих людей бывают отвислые носы. Так где же ты думаешь подвизаться?

- Пойду по всему миру! - самонадеянно ответил черт. - Эх, пожили бы вы еще с полгодика, - много тогда хорошего рассказал бы я вам, святой отец! Вот до чего я хочу творить добро, - черт сжал огромные кулаки и яростно потряс ими, - что это только видеть надо, как я начну работать!

Так и ушел черт в ликовании, но вот что дальше случилось. Вместо того, чтобы сразу начать действовать по наставлениям, что, конечно, было бы самое лучшее, он отправился в ад для проповеди. Потерял ли он соображение от радости, гордыня ли его обуяла и захотелось похвастаться перед своими, или просто потянуло его к родным местам, - но только от попика прямою дорогою, мимо не колеблясь, полетел он в ад. И что же вышло? Только начал он проповедовать, а другие черти выскакивают вперед его и тоже проповедуют и даже с еще большей силой, так как свободно лгут. **И в одно мгновение вся правда превратилась в ложь, и самые святые слова, яростно выкликаемые чертовскими глотками, приняли непристойный и страшный вид.**

Минуты, кажется, не прошло, а уж весь ад наполнился проповедниками и святыми; и впереди всех, обрадованный новой потехой, гнусавил псалмы вдребезги пьяный сатана. Визгливые истасканные ведьмы разыгрывали целые комедии на тему о благочестии и высоких подвигах; и никогда еще ад, даже в большие свои праздники, не был таким адом, как в этот несчастный день! А потом начались откровенные непристойности и всеобщая драка, - и больше всего попало Носачу, давно не упражнявшемуся и в значительной степени потерявшему ловкость. Но что самое печальное, - в драке у него порвали рукопись, и когда, отбившись от стаи шаловливых ведьм, он взглянул на свое сокровище - горю и стенаниям его не было предела. В ярости он оскорбил самого сатану, назвал его лжецом и еле унес ноги: так разгневался пьяный оклеветанный владыка!

Со всею прытью, какая только доступна была его старым ногам, прижимая к груди истерзанную рукопись, примчался Носач к старенькому попику, но - увы! - попик уже умирал.

- Да погодите же минутку - у меня рукопись порвали, - завопил черт, падая на колени.

III

Еще с добрый десяток минут, не сообразившись, вопил черт, и жаловался, и требовал новой рукописи, взамен попорченной, потом стих и, бережно отложив рукопись, сам опустился на пол у поповской постели. После долгого молчанья разжал попик сухие, запавшие губы, бессильно пожевал ими и с трудом вымолвил:

- Опять промахнулся?

Черт мрачно взглянул на истерзанную рукопись и великодушно солгал:

- Так, пустяки, святой отец. Мне вас жалко: вы и вправду умираете или еще с полгодика поживете?

Попик ответил:

- Ни единого даже дня, дружок. Я уже вчера собрался умереть, да думаю: дай подожду денек - авось, и ты придешь. Вот ты и пришел! Спасибо тебе дружок. Открой мне, пожалуйста, занавес на окне, хочу я последним взглядом проститься с дорогими местами.

Но в открытое окно только и видно было, что угол крыши, крытый красной черепицей, да уголок синего неба с проходящим облаком. Попик смотрит с радостью, а черт думает: "На что он смотрит?.. Тут и смотреть не на что: красная крыша да неба кусочек. Или он на облачко смотрит? Так понесу же я его на колокольню и покажу ему все облака, какие будут, и все красные крыши его возлюбленной Флоренции".

Так и сделал. Даже не спрашиваясь, подхватил он на свои жилистые руки сухонькое тельце, не оказавшее сопротивления, и с величайшею осторожностью донес до высокой площадки, где дух захватывало от высоты и сердце радовалось красоте города и божьего мира.

- Смотрите-ка, святой отец: это не то, что из окошка, - сказал он с гордостью.

И оба стали смотреть и радоваться. А уже близилось к закату солнце, и по ту сторону Арно на высоком холме чернели кипарисы, готовые своими острыми вершинами как бы пронзить падающее светило. На востоке же, откуда сегодня утром поднялось ликующее солнце, воздушной цепью залегли недалекие горы; и мнилось, будто гигантскими гирляндами благоухающих сиреневых цветов опоясан прекрасный город. Розовыми цветочками казались далекие виллы, расположенные по склонам, и в ущельях прохладно синела вечерняя тень.

Попик тихо радовался и вспоминал:

- Вот за теми горами я родился, дружок. Там и сейчас находится моя деревня; там была прекрасная девушка, которую я полюбил и оставил для бога. И долго не было для меня иной радости, как смотреть на те далекие горы и тихо вздыхать. Давно это было, дружок, не помню когда.

Солнце заходило.

- А вот и милый город, по которому я ходил, много ходил. И нет, дружок, более приятного чувства как ощущать под ногою горячие, родные плиты, - как бы матерью становится земля, когдаходишь по ней лет семьдесят, и смягчается твердость острого камня. Но там, куда я пойду сейчас, будет еще лучше, дружок.

Черт вздохнул, колебанием груди своей приподняв легонькое тело. Попик понял его тоску и сказал гаснущим голосом:

- Ты... не вздыхай. Очень возможно, дружок, что ты также пойдешь со мною в рай. Ты... черт старательный.

Красною, жаркою кровью разбрызгалось солнце за черными кипарисами и погасло. И, не отстав от него ни на единое мгновение, умер старенький попик, ушел из родного города, покинул родимую прекрасную землю. Долго и напрасно будил его встревоженный черт, взывал грубым голосом:

- А звезды-то! Вы еще звезд не посмотрели, святой отец. Вы еще на луну не взглянули, а уже идет она, святой отец, поднимается, вот-вот бледным светом ляжет на ваши родные плиты. Откройте же глаза, святой отец, и взгляните, умоляю вас!

Когда же убедился, что покровитель его и друг умер навсегда, то отнес его и положил на холодную постель. И когда нес по лестнице, то думал: "Вот вверх я нес живого, а вниз несу мертвого!". И великая скорбь овладела душой дьявола: метался он по комнате, и вопил, выл, как зверь, бился о стены, - не привык он к человеческому горю и не умел выражать его тихо. И до того дошел, что, схватив свое единственное сокровище, цель долгих поисков и страданий, - изорванную рукопись, - с яростью швырнул ее в угол, как нечто негодное. **Сделав же это, так и не понял, что именно в эту самую минуту им и совершалось то самое таинственное и недостижимое добро, имени которого он столь тщетно и мучительно доискивался. Так и не понял никогда!**

Но какой неприятный вид имела драгоценная рукопись! Измятая, оборванная, растрепанная, испятнанная потными лапами чертей, лежала она перед угрюмыми глазами постаревшего дьявола, вновь вернувшегося к своим стремлениям и надеждам. С трепетом раскрыл он первую страницу и надолго погрузился в изучение добродушно неразборчивых, старательных строк. И по мере того, как читал, все больше тарасил глаза, пугался, недоумевал, пока, наконец, с последнею страницей весь не превратился в одно сплошное недоразумение и страх. Даже в самые тяжелые минуты жизни черт не имел такого растерянного вида, как теперь.

Что это - глумление! Насмешка над добром? Издевательство над бедным чертом, стремящимся к добродетели? Или же потерял свой последний разум старенький попик и с детской серьезностью лепечет наивные пустяки, придает характер важности ничтожным мелочам, путается в них, как в длинном, не по росту, платье? Но черт обманут, - черт в неистовстве и страхе: потеряна последняя надежда.

Вся книга, с начала своего до последней оборванной страницы, состояла из коротеньких деловых рецептов, точнейшего описания тех действий, которые надо совершать по дням недели, по часам дня. И ни единого закона, ни единого правила, ни единого общего начала, - даже самое слово "добро" не упоминалось ни разу. Делай то-то (точное описание поступка), - и больше ничего, что-то вроде нынешних поваренных книг, с той только разницей, что даже и в поваренных книгах у составителей их видно иногда старание дать общее начало: ешь только овощи, а мяса ни в каком случае не ешь! А тут - ничего.

И что особенно и больно укололо черта: **во всей книге не было ни одной из тех прекрасных истин, что в таком огромном количестве собраны за тысячи лет существования человеческого разума и служат к украшению и прославлению добра.** Он сам знал их немало и мог, казалось бы, ожидать, что старенький поп не поспеет на этот предмет, - недаром же он столько учился и так прекрасно чувствовал добро.

Но нет ничего! Сухой перечень голых действий, иногда тщательно зализанная клякса, свидетельствующая только о трудолюбии писавшего - и все. Но вдруг появилась надежда: может быть, попик нарочно не сделал общих выводов, предоставляя это уму и трудолюбию самого черта - о, он был достаточно хитер, этот старый, невинный попик! И снова садится старый черт за работу и вглядывается в каждое слово сквозь круглые огромные очки, выписывает, сверяет, грубыми пальцами ловит тонкую нить неназванного добра. Обрывается нитка, - но что до того

старательному черту, возлюбившему добро! Отыскивает концы, вяжет хитрые узелки, путает и распутывает, складывает и вычитает, - вот-вот доберется до итогов, твердо и на все времена и для всех людей, какие были, есть и будут, установит неизменные начала добра. Черт не честолюбив, сейчас ему дело только до своей шкуры, но минутами овладевает им истома гордости: не для всех лиц, ищущих добра, работает он так неутомимо, не ему ли некогда воздвигнется новый и великолепный храм?

Какими же словами можно описать отчаяние и последний ужас несчастного дьявола, когда, подведя последние итоги, не только не нашел в них ожидаемых твердых правил, а наоборот, и последние утратил в смуте жесточайших противоречий. Подумать только, какие оказались итоги:

- когда надо - не убий; а когда надо - убий;
- когда надо - скажи правду; а когда надо - солги;
- когда надо - отдай; а когда надо - сам возьми, даже отними;
- когда надо - прелюбы не сотвори; а когда надо - то и прелюбы сотвори (и это советовал старенький поп!);
- когда надо - жены ближнего не пожелай; а когда надо - то и жену ближнего пожелай, и вола его, и раба его.

И так до самого конца: когда надо... а когда надо - и наоборот, не было, кажется, ни одного действия, строго предписанного попиком, которое через несколько страниц не встречало бы действия противоположного, столь же строго предначертанного к исполнению; и пока шла речь о действиях, все как будто шло согласно, и противоречий даже не замечалось, а как начнет дьявол делать из действия правилом - сейчас же ложь, противоречия, воистину безумная смута. И самое страшное и непонятное для дьявола было то, что наряду с действиями положительными, согласными с известным уже дьяволу законом и, стало быть, добрыми, - старый попик с блаженным спокойствием предписывал убийство и ложь. Черт никак не мог допустить, что не попик его обманывал, а обманывают слова; и вот наступил для него миг совершенного безумия, - вдруг показалось, что старый попик есть не кто иной, как самый величайший грешник, быть может, сам сатана, в виде сатанинской забавы пожелавший искусить черта.

Забившись в темный угол, черт горящими глазами глядел на дверь и думал:

"Да, да, это он! Он узнал, что я хочу добра, и нарочно оделся попом и даже богом, как я оделся человеком, - и погубил меня. Никогда не узнаю я правды и никогда не пойму, что такое добро. Быть же мне вовеки несчастным и в жажде добра вовеки неудовлетворенным. Проклят я вовеки".

И все ждал, что раскроется дверь, и покажется смеющийся сатана и, простив, позовет его в ад. Но не приходил сатана, и дверь молчала; и, подумав, так решил несчастный старый черт:

"Буду жить в отчаянии и творить предписанное, никогда не зная, что такое творю. Проклят я вовеки!"

Так и жил черт, стареясь. Когда требовалось рукописью, - спасал, а когда требовалось убивать, - убивал. И было ли противоречие только в словах, а в действиях все уживалось согласно, но постепенно наступил для черта покой, и почувствовал он даже как бы некоторое удовлетворение. И хоть и верил твердо, что проклят вовеки, но настоящего живого огорчения от этого не испытывал; и о добре перестал думать. Но были для него и черные дни, - обрывалась рукопись, и в зияющей пустоте вставал ужасный образ бездействия; и поднимали голову ядовитые сомнения и, как призрак манящий, звало в неведомую даль неведомое Добро.

Тогда удалялся черт в свой темный чердачный угол и там застывал в бездействии. Заложив уши, чтобы ничего не слышать, закрыв глаза, чтобы ничего не видеть, стоял он, черный, подобно истукану; и были крепко сложены на груди жилистые руки, способные сокрушить горы и обреченные на бездействие. Стар уж он был в это время: завивали голову космы седых волос, лезли из широких ноздрей, мшистым кровом крыли и лицо, и грудь, и застывшие руки; и, увидя его, не подумал бы ты, что это некто живой, обреченный на страдания, а сказал бы: вот и еще одна старая колонна в храме, которой я раньше не заметил. Ползали по лицу его мухи, серая пыль ложилась на голову, и пауки неторопливо плели на нем свои тенета, - **и время стояло неподвижно, как проклятое.**

...Кто не любит добра?

15 августа 1911 г.

http://az.lib.ru/a/andreew_1_n/text_0460.shtml